

РЕГИОНАЛЬНАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертационном исследовании
Тирских Анатолия Афанасьевича, представленном на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Актуальность темы диссертационного исследования¹ А.А. Тирских сомнений не вызывает. Коррупция деформирует власть и управление, но особенно опасна она для правоохранительной системы, ядро которой составляют органы внутренних дел. Продажность сотрудников ведомства, которое специально создано для борьбы с нарушениями закона, особенно нетерпима.

Несмотря на то, что к исследованию коррупции в органах внутренних дел обращались неоднократно, в том числе и в рамках диссертационных исследований, в ближайшие десятилетия эта тема вряд ли будет исчерпана, тем более что ее разработка требует детализации применительно к конкретным особенностям регионов России, к специфике подразделений и служб Министерства внутренних дел и т. д. Именно с этих позиций представленная на защиту диссертация отвечает требованиям научной новизны. Это – первое комплексное монографическое исследование теоретических и прикладных аспектов коррупционных проявлений в органах внутренних дел Восточной Сибири.

Выводы диссертанта базируются на работах авторитетных ученых, которые получили творческое развитие и преломление применительно к избранной теме. Достоверность результатов predeterminedena добротной эмпирической базой исследования, которая включает: судебную практику, полученную в результате изучения 102 уголовных дел о коррупционных преступлениях сотрудников органов внутренних дел, статистические данные, результаты анкетирования 15 экспертов, 300 бывших и 500 действующих сотрудников органов внутренних дел, а также

550 жителей Восточно-Сибирского региона. Исследование основательно по количеству и объему использованных нормативных актов и специальной юридической литературы, что свидетельствует о широте кругозора автора и владении навыками максимального освоения большого объема информации по теме исследования.

Работа выстроена логично, что позволило автору во введении, двух главах, объединяющих шесть параграфов, заключении и четырех приложениях достаточно полно изложить свои представления по предмету исследования.

Во введении автор в соответствии с устоявшейся схемой обосновал актуальность темы исследования, определил объект и предмет, охарактеризовал цель и задачи исследования, а также методологию и методику, указал нормативную и эмпирическую основу работы, научную новизну, теоретическую и практическую значимость, сформулировал положения, выносимые на защиту, привел сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «**Теоретические основы изучения коррупции в органах внутренних дел**» диссертант сформулировал дефиницию искомого понятия и уточнил ее значение применительно к органам внутренних дел. Основываясь на анализе доктринальных точек зрения, толковании нормативных актов различного уровня и международно-правовых документов, соискатель поддерживает определение коррупции «в широком смысле как негативное социальное явление, не сводящееся преимущественно к подкупу, взяточничеству» (с. 18), что, на наш взгляд, является правильным. Предложенные во втором параграфе этой главы классификации видов коррупции представляют не только познавательный интерес, но и практическую значимость.

¹ См.: Тирских А.А. Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел (по материалам Восточно-Сибирского региона): Дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

Во второй главе «Криминологический анализ коррупции в органах внутренних дел Восточно-Сибирского региона» по классической схеме дается анализ коррупционных проявлений, личности коррупционеров, а также факторов, детерминирующих распространение этого негативного явления в органах внутренних дел.

В первом параграфе, проанализировав данные уголовно-правовой статистики в регионе и сопоставив их с данными опроса населения, сотрудников ОВД и экспертов, автор обоснованно делает вывод о высоком уровне латентности коррупционных преступлений (с. 61). В этой связи им вполне уместно применены косвенные методы получения информации о реальном состоянии коррупции.

Использование различных видов опроса позволило соискателю выявить подразделения органов внутренних дел, которые более других подвержены коррупции, прояснить ситуацию относительно интенсивности коррупционных связей, предмета взяток, причин, механизма коррупционных действий, степени соучастия и зависимости соучастников, а также других важнейших параметров коррупции в органах внутренних дел Восточно-Сибирского региона. В сочетании с характеристикой взяткодателей собранный и систематизированный материал является доброкачественной основой для организации противодействия коррупции и корректировки профилактической работы в этом направлении.

Во втором параграфе дается обстоятельная социально-демографическая и нравственно-психологическая характеристика коррупционеров, что позволяет обозначить типичные «предкоррупционные» деформации личности, которые приводят на скамью подсудимых. Автор, безусловно, прав, утверждая, что в формировании готовности предавать и продавать государственные интересы ключевую роль играют ценностные ориентации индивидуалистического (эгоистического) характера. Правильно делается акцент на профессиональной деформации сотрудников – как одном из важнейших обстоятельств, в значительной мере обуславливающих коррупционное поведение. При увеличении стажа работы в органах внутренних дел устойчиво возрастает и количество

сотрудников ОВД, совершивших коррупционные преступления (с. 72–73).

Третий параграф посвящен анализу политических, социально-экономических, информационных, правовых, организационно-управленческих и психологических факторов, детерминирующих коррупцию среди сотрудников органов внутренних дел. Самое интересное, что большинство из названных факторов не так уж трудно устранить. Именно к таковым относится отсутствие надлежащего правового регулирования деятельности органов внутренних дел. На фоне громких лозунгов о решительной борьбе с коррупцией в органах внутренних дел вряд ли поддается рациональному объяснению волокита с принятием законов «О государственной правоохранительной службе в Российской Федерации», «О Министерстве внутренних дел Российской Федерации». В результате устаревшие нормативные акты не содержат полного перечня антикоррупционных запретов и обязанностей, не предлагают алгоритм действий в ситуации конфликта интересов. И самое главное, как правильно замечает соискатель, нет четкого определения дисциплинарного проступка, а также отсутствует детализация дисциплинарной ответственности, в том числе за нарушение антикоррупционных ограничений (с. 120–122).

В завершающей третьей главе «Профилактика коррупции в органах внутренних дел» рассматриваются общесоциальные и специальные меры профилактики коррупции.

Соискатель отдает предпочтение так называемой либеральной модели борьбы с коррупцией, которая сочетает жесткие ограничения со строгим соблюдением прав и свобод граждан. И в этом с ним можно согласиться, так как сравнительный анализ индексов коррупции стран, который проводит Transparency International и другие международные организации, показывает, что непочетные первые места принадлежат далеко не либеральным и не демократическим государствам.

Для того чтобы затормозить развитие коррупционных процессов, соискатель предлагает систему мер общесоциального воздействия, которые необходимо осуществить в экономической, политической, духовной и

иных сферах. Автор не ограничивается правильными, но общими констатациями, а делает конкретные предложения, в том числе оригинальные, как, например, использование полиграфа для проверки кандидатов на службу (с. 134), замену подразделений собственной безопасности на подразделения государственной безопасности (с. 134–137), сокращение аттестованных должностей за счет сотрудников служб, связанных с тыловым обеспечением (с. 111–112), установление более высокого возрастного ценза для службы в органах внутренних дел (с. 115) и ряд других.

Высокая требовательность к сотрудникам органов внутренних дел должна сочетаться с достойной оплатой и усилением их социальной защищенности. Трудно оставаться неподкупным, если семья находится на грани бедности и не имеет жилья. Отчасти именно так можно интерпретировать тот факт, что «85,2 % сотрудников органов внутренних дел, совершивших коррупционные преступления, на момент разоблачения состояли в семейных отношениях» (с. 66). Разумной и своевременной выглядит идея автора связать высокое благосостояние сотрудников с беспорочной работой (с. 114).

Достойные предложения соискателя, направленные на улучшение конкурсного отбора, хочется дополнить призывом сделать эту процедуру более прозрачной. Очевидно, назрела необходимость создания «квалификационной коллегии» органов внутренних дел с включением в ее состав представителей общественности, которая, помимо участия в конкурсном отборе, решала бы вопросы о дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения.

В заключение диссертант обобщил основные положения, сформулировал выводы, отражающие содержание работы в целом.

Оценивая диссертационное исследование, следует отметить, что все положения, вынесенные на защиту, обоснованы и отличаются научной новизной. Некоторого упрека заслуживает, пожалуй, «демонизация» СМИ в процессе детерминации коррупционного поведения, а также то обстоятельство, что автор проявил излишнюю скромность и не вынес на защиту многие оригинальные выводы, которые «разбросаны» по всему тексту диссертации.

Сказанное позволяет определить диссертацию как самостоятельное, завершенное исследование монографического характера, содержащее решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики. Вместе с тем отдельные положения диссертации вызывают возражения либо требуют дополнительной аргументации.

1. В зависимости от степени и характера общественной опасности, соискатель подразделяет коррупцию на два вида: криминальную (общественно опасные деяния коррупционного характера, предусмотренные уголовным законом) и дисциплинарную (неправомерное использование сотрудниками своего служебного положения для получения имущественной или иной выгоды, которое не содержит признаков преступления) (с. 28). Однако в отличие от коррупционной преступности в работе, по существу, отсутствует полный анализ дисциплинарных проступков и дисциплинарных взысканий.

2. Представляется слишком кардинальным предложение соискателя об исключении всех видов наказания, «кроме лишения свободы, из санкций статей Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают наказание за совершение коррупционных деяний» (с. 129). На наш взгляд, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью имеет высокий специально-предупредительный эффект как в качестве основного, так и дополнительного наказания. Этот эффект можно повысить, распространив это наказание на все виды государственной и муниципальной служб, а также увеличив его срок вплоть до пожизненного.

3. Требуется дополнительное обоснование позиции автора относительно «дополнительного источника благосостояния» для сотрудников органов внутренних дел за счет административных штрафов, а также иного возмещенного государству ущерба (с. 113). Не приведет ли такой подход к злоупотреблениям в ходе «добывания» штрафов и не будут ли эти злоупотребления коррупционными?

4. Не очень удачной представляются наименования «активная коррупция» – применительно к неправомерной деятельности и «пассивная коррупция» – применительно к противоправному бездействию (с. 34–35). Поскольку в международных документах, в

частности в Уголовно-правовой конвенции о борьбе с коррупцией (Страсбург, 27 января 1999 г.), в подобные термины вкладывается иное содержание, «наложение» терминов может привести к путанице.

5. Предложение соискателя о том, что подчинение милиции общественной безопасности министру внутренних дел и финансирование из федерального бюджета приведет к снижению коррупции (с. 110–111), выглядит не очень убедительным и повлечет за собой ряд негативных последствий. Подразделения милиции общественной безопасности и в настоящее время входят в структуру Министерства внутренних дел, которое находится далеко в Москве, а вот жители Восточно-Сибирского региона будут еще более отстранены от контроля за правоохранительной ветвью власти. К тому же ряд европейских государств и США, где централизация полицейских подразделений не очень выражена, имеют уровень коррупции гораздо ниже, чем в России.

6. Одним из главных условий борьбы с коррупцией являются антикоррупционные правила, обеспечивающие прозрачность личных бюджетов сотрудников ОВД. В Англии превышение расходов над доходами полицейского является основанием для финансового расследования. Возможен ли такой подход в России? В диссертационном исследовании ответа на этот вопрос нет.

Высказанные замечания носят дискуссионный либо частный характер и не влияют на общую положительную оценку работы. Основные результаты исследования прошли апробацию на научных конференциях, отражены в пяти научных публикациях. Автореферат соответствует содержанию диссертации, отражает основные идеи и выводы исследования, степень новизны работы. Положения и выводы, сформулированные в диссертации, являются научно обоснованными.

В целом диссертация и автореферат соответствуют требованиям положения «О порядке присуждения ученых степеней». На основании изложенного можно сделать вывод о том, что автор диссертации «Региональная криминологическая характеристика коррупции в органах внутренних дел (по материалам Восточно-Сибирского региона)» – Анатолий Афанасьевич Тирских – заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

**Профессор кафедры уголовного
права и криминологии
Красноярского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор
Н.В. Щедрин**